

Алексей Кара-Мурза

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ ВЕЙДЛЕ

Владимир Васильевич Вейдле (13.03.1895, Санкт-Петербург – 5.08.1979, Париж) – поэт, искусствовед, историк-медиевист. Учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета у крупнейших итальянистов И.М. Гревса и Д.В. Айналова. После большевистской революции – профессор Пермского и Петроградского университетов, Института истории искусств. В 1924 г. эмигрировал во Францию, где прожил до конца жизни.

«Русскую любовь к Италии» Вейдле считал естественной и благотворной. Он был уверен, что итальянские путешествия – «залог европейского бытия России, ибо нет в Европе страны, где не было бы собственной вереницы итальянских путешествий и своего, одной этой стране присущего вида любви к Италии».

Свою первую поездку в Италию Владимир Вейдле совершил в 17-летнем возрасте после окончания училища и перед поступлением в университет – с матерью и школьным другом Александром («Шурой») Куренковым. В мемуарах, написанных на закате жизни, В.В. Вейдле дал главе, посвященной этому трехмесячному путешествию в марте–мае 1912 г., характерный заголовок: «Сто дней счастья или моя первая Италия».

«Обетованная земля! Ничего более решающего для всего дальнейшего в жизни моей не было, и никогда, за всю жизнь, не был я так безмятежно, длительно и невинно счастлив, как на ее заре в эти итальянские сто дней... Здесь, на обетованной земле, отрочество мое в юность перешло. Что ж, влюбился я там впервые по-настоящему, что ли? Вот, вот, но соперниц у нее не было: в одну Италию. Сто дней этих прожил без возжеленья, как и без телячьего влюбленья; ни до

того, ни до другого, на удивление потомству, я еще тогда и не дорос. Любовью любил. Первая она была и основная, воспитательница всех любовей, узнанных мною позже, и которых без нее не узнал бы я, быть может, никогда, – к странам, провинциям, городам, к очеловеченной природе, к воплощенной в очеловеченьи этом истории. Эрос такого рода захирел и выветривается теперь, но многим был свойствен в прошлом веке и в начале нашего века. Ему научила меня Италия. Если б я ее на пороге юности не встретил, не стал бы я тем, кем я стал».

Путешественники серьезно продумали маршрут: они решили сразу ехать на юг Италии без остановок, а потом, по мере наступления весны, подниматься на север:

«Из Вены мы прямо отправились в Неаполь. К вечеру проскользнули мимо лагуны (ничего, вернемся, когда станет потеплей, в Венецию) и мчались потом всю ночь, миновали Падую, Феррару, Болонью, Флоренцию, Рим, даже в Неаполе утром не задержались, с пароходной палубы любовались им, завтракали уже на Капри, отдохнули немножко в гостинице, а потом гуляли, вышли к морю».

Наутро совершили прогулку по острову к развалинам дворца римского императора Тиберия (I в. н.э.):

«На следующий день все втроем докарабкались до виллы Тиберия, и подползли мы с Шурой на животах к самому краю отвесных высоких скал и глядели долго вниз, где жидкий, пену над собой выбрасывавший изумруд сражался не на жизнь, а на смерть с тяжелой густотой сапфира. Так встретила нас Италия».

Прожив на Капри три дня, путешественники сели на пароходик в Неаполь:

«Когда отчалил пароход и "Addio Capri" было спето, и, минуя Сорренто, мы стали приближаться к сиявшим издалека берегам, перекрестился я потихоньку и еще набожней стал мысленно

повторять "начинается Италия"... Вот она, обетованная земля! К ее солнцу на острове привыкнув, в ее морские ворота я въезжал. С моря открывалась мне она, как некогда грекам, селившимся на этих берегах, задолго до того, как волчица выкормила Ромула и Рема».

В Неаполе поселились в отеле «Хаслер» на набережной Кьяйя, наутро проснулись очень рано и «еще до кофе» побежали к морю:

«Никого; город еще спал. Вблизи и вдали все искрилось и сияло. Вверху и внизу все тонуло в золотистой синеве... Нас ждет Неаполь».

Днем, бродя по городу, поражались «вечной праздничности» неаполитанской жизни:

«Вся Мерджеллина сегодня в цветах, и Вилла Национале полна детишек с букетиками в руках и венками на головах».

Случайно нашли в Неаполе «уголок Флоренции» на Монте Оливето; смотрели церковь Santa-Anna dei Lombardi с ее главной достопримечательностью – терракотовыми скульптурами плакальщиков в натуральную величину мастера Гвидо Маццони в капелле Гроба Господня:

«Вечером, не успели отобедать, как подошли к гостинице четверо певцов (трое мужчин и женщина) и запели, и добрые двадцать минут прекрасно пели, и монеты им бросали с этажей, и кричали "бис", и пели они опять. Потом гуляли мы у моря и ели мороженое на террасе кафе, а когда мама поднялась к себе, мы еще раз с Шурой вышли к морю, подошли к каменному парапету, подобному тому, что на Неве, и стали глядеть. Справа и слева мерцали, а то и сверкали огни, но прямо перед нами ровно ничего не было: запах моря, легкий плеск, теплый запах безлунной и беззвездной ночи».

Путешественники побывали в Помпеях, на Везувии, ездили на «дрожках» в «собачью пещеру» на Флегрейских полях. По мнению В.В. Вейдле именно с Неаполя он начал постигать Италию:

«Весело учась, постигали мы Неаполь, и в Неаполе Италию. Какой сумасшедший, роскошный, нищенский, злой и до одури веселящийся, – обреченный веселиться город!... Неаполь преддверием был для меня, искал я в нем не его, а наслаждался им, вместе со спутниками моими, просто потому, что невозможно было этой смесью преисподней и небес, столь живой, да еще и весенней, не наслаждаться... Не досмотрели мы Неаполя. Нам бы и на месяц его не хватило».

В следующий раз В.В. Вейдле удалось побывать в Италии (увы, уже в фашистской) лишь в 1932 г. А на закате жизни, в 1960-е годы, его охватила новая страсть к Италии – он бывал здесь ежегодно и, если позволяло время, с удовольствием хотя бы на неделю ездил в Неаполь. И при этом всегда вспоминал свою юношескую поездку 1912-го года:

«Нынче по via Partenope, между гостиницами и морем, мчатся машины, все в одну сторону, в пять рядов, а мы, в двух шагах оттуда, на Кьяйе, с открытыми окнами спали, и никакой шум нас не будил».

В 70-летнем возрасте Вейдле написал цикл замечательных итальянских стихотворений. Одно из самых его любимых было посвящено Неаполитанскому заливу и острову Искья.

Берег Искьи (1965)

Ни о ком, ни о чем. Синева, синева, синева,
Ветерок умиленный и синее, синее море.
Выплывают слова, в синеву уплывают слова,
Ускользают слова, исчезая в лазурном узоре.

В эту синюю мглу уплывать, улетать, улететь,
В этом синем сиянии серебряной струйкой растаять,
Бормотать, умолкать, улетать, улететь, умереть,
В те слова, в те крыла всей душою бескрылой вращая...

Возвращается ветер на круги свои, а она
В синеокую даль неподвижной стрелой несется,
В глубину, в вышину, до бездонного синего дна...
Ни к кому, никуда, ни к тебе, ни в себя не вернется.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В.В. Вейдле. "Поездка в Пестум"

«Храм Посейдона в Пестуме, который я твердо предписал себе увидеть, не языческая, а греко-христианско-европейская, всего нашего прошлого, святыня... Из Неаполя на поезде мы ехали до захудалого полустанка, где на досках платформенной будки крупными черными буквами начертано было латинское имя давным-давно исчезнувшего города. Вокруг – никого, ничего: две-три ветхих постройки, трава. По тропинке мы шли к проселочной дороге, идущей вдоль храмов и превращенной нынче, увы, в шумный асфальтированный тракт. Никто, кроме нас, не приехал в то утро на станцию Пестум; не было никого возле храмов, пустыня была и дорога. Поразило нас больше всего, что храмы стоят просто так, без предисловий, на траве – на самой простой траве, как в России... Тысячу лет жили живыми среди живых, еще полтора тысячелетия без малого прожили посмертно; до конца предпоследнего века и неведомы были никому. Два других – полуразвалины, хотя колоннадами своими внушительно прекрасны, и один храм Посейдона сохранился много лучше. Так совершенна логика его форм, так несокрушима строительная мощь, такая истовость вложена во все его существо, что вполне оправданными кажутся три недоступные шагу ступени его гигантского постамента... Парфенон стройней и легче, но приземистый в сравнении с ним Пестумский храм как-то зато горячее (не только по цвету: жарче, нутром говорит, хоть и духу отрадна его речь). Строгая, строго-дорическая, еще не тронутая, как там, в Афинах, ионийскою грацией и улыбкой... Именно греческой своей стороной и вспоминается мне всего живей мое первое пребывание в Неаполе... Часы, проведенные в Пестуме, – не больше, чем четыре или пять, – в существе моем отпечатлелись на всю жизнь и остались одними из самых драгоценных среди подаренных мне Италией. Спустя полвека, лет пятнадцать назад, я прожил там три солнечных осенних дня, сняв одну из

двух комнат, сдававшихся при остерии, только садиком своим отделенной от главного храма и построенной сплошь из мощных каменных плит доримской пестумской стены. Прожил я там эти дни столько же ради, сколько в память первого свиданья; знаниями оснащенный, которых тогда у меня не было... Зато если б и единственным осталось то первое свиданье, жил бы во мне Пестумский храм до конца моих дней и все равно не утратил бы я обретенного мной в их начале сознанья, что стыдно жить вяло, низменно или малодушно, покуда образ этот в тебе не совсем угас. Понять это (если не испытать) можно, пожалуй, и на фотографии глядя, но никакими снимками не переживаем по-неземному земной общий пестумский пейзаж. Недаром Александр Иванов избрал его фоном своего «Явления Христа народу», но сути его передать, при всем благоговении не смог. Ветерок морской, шевелящий траву, был бы ему для этого нужен, и вся ширь травяной равнины, близ трех храмов восходящей к морю, но лишь совсем вдалеке от них огражденной тесной цепью каменистых гор. Горы эти величавы, но не грозны...»

В. Вейдле. Воспоминания // Диаспора II. Новые материалы.
СПб., 2001. С. 50-51.